

УДК 82-1

DOI: 10.17223/19986645/51/10

Д.В. Долгушин

«МНЕ ПРИВИДЕЛСЯ СОН; КАК ЖЕ ВЕСЕЛ БЫЛ ОН...»: НЕИЗВЕСТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ В.А. ЖУКОВСКОГО¹

Рассматривается неизвестное стихотворение В.А. Жуковского, автограф которого хранится в Российской государственной библиотеке. Это стихотворение анализируется на фоне истории отношений Жуковского с его адресатом – великой княгиней Марией Николаевной. Исследуются как конкретно-биографические, так и мифопоэтические аспекты этих отношений в контексте поэтической «философии Лаллы Рук». Изучается связь поэтики стихотворения с поэтикой «Ундины». Публикуется текст стихотворения в сопровождении текстологического и реального комментария.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, вел. кн. Мария Николаевна, романтизм, Т. Мур, Ф. Де Ла Мотт Фуке, Николай I.

В Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранится черновой автограф неопубликованного стихотворения В.А. Жуковского, начинающегося словами «Мне привиделся сон, / Как же весел был он...». В описи архивного дела рукопись эта атрибутирована как принадлежащие В.А. Жуковскому «Наброски шутивного поздравления вел. кн. Марии Николаевне» и датирована предположительно 1830-ми гг. Датировка автографа, как будет показано ниже, требует существенных уточнений, что же касается атрибуции, то она верна. Перед нами действительно стихотворение Жуковского, адресованное великой княгине Марии Николаевне. Целью настоящей статьи будет реконструкция текста этого стихотворения, изучение истории его создания и особенностей поэтики. Но прежде всего нужно сказать несколько слов о его адресате.

Великая княгиня Мария Николаевна² (домашним ее именем было «Мери») – второй ребенок в семье Николая I, старшая из дочерей императора. С детства она отличалась живым характером, была заводилой в детских играх³ и всеобщей любимицей. «Настоящая картинка собой, она была так

¹ Статья написана при финансовой поддержке РГНФ. Совместный конкурс научных проектов РГНФ-Императорское Православное Палестинское Общество 2015 года – грант № 15-64-01001. Благодарю Л.В. Титову (Институт истории СО РАН) за помощь во время работы над этой статьей.

² Библиографию работ о ней см.: [1. С. 235–237].

³ Ее сестра Ольга вспоминала: «Мери, самая предприимчивая из нашей компании, придумывала постоянно новые игры» [2]. В эту детскую компанию входили старший брат Мери наследник престола Александр Николаевич (домашним именем его было «Саша»), а также ее младшие сестры Ольга Николаевна («Олли») и Александра

мила, ласкова, жива и шаловлива, что полонила кругом себя все сердца...» – вспоминала М.В. Каменская, часто наблюдавшая за прогулками царских детей возле Екатерининского дворца в Царском Селе [3. С. 173]. С энергичным характером у Марии Николаевны соединялись быстрый ум и блестящие способности («она была способнее, чем все мы семеро вместе», – признавалась ее сестра Ольга [2]). Способностям этим, однако, было трудно раскрыться полностью из-за «детского легкомыслия» и неусидчивости. «Мери, что могло бы из Вас получиться, если бы Вы только хотели!» – твердила подруга ее матери Цецилия Фредерикс [2].

С детства Мери привыкла верховодить. Оба постоянных товарища ее детских игр – брат Саша и сестра Олли – отличались флегматичным и несколько вялым нравом, а потому без сопротивления уступали ей лидерство. Не могли совладать с «острой девочкой» и воспитатели. Беспомощные нотации своей гувернантки Ю.Ф. Барановой Мери прерывала колкими замечаниями, а ее противостояние с гувернанткой Олли Шарлоттой Дункер закончилось увольнением последней [2]. Даже Николай I, перед которым всё при дворе трепетало и преклонялось, не раз отступал под напором своей любимой дочери – в том числе в таком важном деле, как ее замужество.

Заключение брака в первой половине XIX в. воспринималось как решение «участи» девицы, при принятии которого сама она играет лишь пассивную роль [4. С. 290]. Степень предопределенности матримониальных сценариев, и без того высокая в дворянской среде, была почти абсолютной в среде династической, в которой вступление в брак определялось политической целесообразностью и нормировалось юридически. Тем не менее даже в этой ситуации, не предполагавшей выбора, Мери поступила по своему: она добилась, чтобы ее, в нарушение установившегося обычая⁴, не выдали замуж за границу. После свадьбы с принцем Максимилианом Лейхтенбергским в 1839 г. она осталась жить в «*матушке России, бесценной родине*» [5. С. 431]. Совершенно необычным был и ее второй, морганатический, брак с Г.А. Строгановым, заключенный втайне от отца. Тот факт, что в крайне опасную авантюру, связанную с венчанием, Марии Николаевне удалось вовлечь отчаянно рисковавших старшего брата, его жену и военного министра В.А. Долгорукова, говорит о ее способности оказывать властное влияние на окружающих. Секрет этой властности, сходной с властью Николая I (на которого, кстати, Мария Николаевна была чрезвычайно похожа внешне), заключался в женском обаянии Мери. «Она добивалась своего какой угодно ценой», рассыпая вокруг себя обескураживающий «фейерверк взглядов, улыбок и слов», и делала это «с такой женской обаятельностью, что ей все прощалось» [2].

Николаевна («Адини»). Братья Михаил и Константин, значительно уступавшие им по возрасту, не могли делить их детские игры.

⁴ К тому времени существовал единственный прецедент такого рода – брак великой княжны Екатерины Павловны и герцога Георга Ольденбургского, переехавшего жить в Россию. В последующем в течение XIX в. подобные династические браки заключались всего дважды [1. С. 21].

«Страстная и необычная натура» Марии Николаевны резко выделяла ее из придворной среды. Ей были свойственны непосредственность, подчеркнутая готовность отступить от условностей этикета. Эти качества, проявившиеся еще в детстве, не исчезли и когда во взрослом возрасте к ним присоединилась «утонченная изысканность»⁵, данная великой княгине воспитанием. А.Ф. Гримм, знавший Марию Николаевну ещё юной, писал, что великая княгиня «привлекала всех добротой своего сердца, жизнерадостностью, свободой от стеснительных условностей и предрассудков» [7. S. 254].

Мария Николаевна обладала развитым эстетическим чувством, неплохо рисовала, была истым коллекционером и ценительницей всего изящного. После смерти своего первого мужа она по праву сменила его на посту президента Академии художеств. Мариинский дворец был превращен ею в «волшебный замок» [9. С. 24]⁶, в котором «богатство и роскошь» подчинялись безупречному художественному вкусу, а вилла Кварто под Флоренцией, в которой Мария Николаевна провела последние годы, была полна произведений искусства. С детства привыкшая вращаться в кругу самой богатой европейской аристократии княгиня Л.И. Сайн-Витгенштейн (урожденная Барятинская) в мемуарах, написанных на 91-м году жизни, признавалась, что никогда не видела столь прекрасного жилища [11⁷. Р. 27]. В лучшие годы и сама Мария Николаевна была необычайно красива и подобна античной статуе: «...лоб, нос и рот были симметричны, плечи и грудь прекрасно развиты, талия так тонка, что ее мог обвить обруч ее греческой прически» [2].

Остается жалеть, что энергия и ум этой выдающейся женщины по условиям среды и эпохи не нашли настоящего поприща для реализации. Жизнь Марии Николаевны как бы скользила по поверхности, великая княгиня занималась тем, что безудержно веселилась на балах, иногда «флиртowała до потери сознания» [2]. Своего рода эмблемой ее характера может быть случай, произошедший на заре ее светской карьеры во время одного из костюмированных балов. Тогда юная Мери, не имея терпения дожидаться шествия, в котором должна была участвовать, нетерпеливо ринулась ему навстречу, «скорее летя, чем идя» сквозь толпы гостей из залы в залу в костюме сильфиды, закутанная в газовое покрывало, с волшебной палочкой в руке [11. Р. 26]. Наверное, наиболее точная ее характеристика принадлежит А.Ф. Тютчевой: «...это была, несомненно, богатая и щедро одаренная натура, соединявшая с поразительной красотой тонкий ум, приветливый характер и превосходное сердце, но ей недоставало возвышенных идеалов, духовных и умственных интересов» [9. С. 24].

История отношений В.А. Жуковского с Марией Николаевной началась, если можно так выразиться, еще до ее рождения и продолжалась до самой кончины поэта. Мери увидела свет в Павловске 6 августа 1819 г., на Пре-

⁵ «Elle est fine et distinguée», – говорили о ней при дворе [6. С. 339].

⁶ Ср. описание этого дворца в дневнике Жуковского за 27 июня 1839 г. [10. С. 179].

⁷ Сокращенный русский перевод см. в публикации [12].

ображение Господне. Рождения ребенка давно ждали и заранее приготовили колыбель. Жуковский 5 августа предался перед этой колыбелью поэтическим размышлениям: «...кто в ней будет и что случится с этим новым земным колонистом?» [5. С. 432]. «Я самый первый ваш знакомец на здешнем свете, я думал о вас накануне вашего рождения, стоя перед вашею колыбелью, еще никем не занятою; на другой день мы познакомились», – напоминал он Марии Николаевне в 1838 г. [5. С. 430]. Спустя одиннадцать дней после рождения Мери, 17 августа 1819 г., Жуковский присутствовал на ее крестинах [13. С. 130]. Под впечатлением переживаний этого дня он тогда же начал работу над одним из шедевров своей лирики – стихотворением «Праматерь внуке», описывающим первое причастие Мери.

Все детские годы Марии Николаевны прошли на глазах у поэта: поскольку Мери была всего годом младше своего брата, наследника престола Александра Николаевича, Жуковский был одним из ее учителей. Он не только вел уроки, но курировал весь учебный процесс, подбирая для Марии Николаевны преподавателей. Среди них оказалась и близкая родственница поэта А.П. Зонтаг, учившая восьмилетнюю Марию Николаевну русскому языку, когда та жила в Одессе во время турецкой компании 1828 г.

В детстве Мери была, как уже говорилось, всеобщей любимицей. Неудивительно, что ее выделял среди своих царственных учениц и учеников и Жуковский. Однажды, сравнивая Мери с ее старшим братом, он записал в своем дневнике: «Разница меду братом и сестрою. Оба неразвернуты умом, но у одной жадность чувства, у другого вялость. Одна быстро понимает и оживотворяет то, что понимает. Другой здесь слушает, сначала с участием, под конец с дремотою» [10. С. 31]. Мария Николаевна отвечала своему учителю теми же чувствами. В отличие от Олли, которая полюбила поэта только в 1840-х гг., когда скучные уроки остались позади и трогательный образ Жуковского-семьянина заслонил собой докучный образ Жуковского-наставника, Мери уже в ранние годы относилась к нему с детской симпатией и приязнью.

В 1830-е гг. между юной великой княжной и Жуковским шла оживленная переписка. В своих письмах Мария Николаевна со свойственной ей непосредственностью обращалась к Жуковскому с прозвищами «Васька», «милый Вася», «Вася Кот», «любезный котик», «мой старший друг, друг с колыбели». Для Жуковского же Мария Николаевна стала не только адресатом, но и постоянным внутренним собеседником. «...Мне всегда приходится на память вы, когда придет в голову добрая мысль, которую не хотелось бы сберечь про одного себя», – признавался он своей ученице [14. С. 613].

Неудивительно, что львиная доля творческих замыслов Жуковского 1830-х гг. так или иначе оказалась связана с Марией Николаевной. В это время он адресует ей «письма-отчеты», «письма-дневники» – своеобразную контаминацию эпистолярного, дневникового и мемуарного жанров, из которых рождаются эссеистические «Очерки Швеции» (1838), «Бородинская годовщина» (1839). Определенную роль сыграла Мария Николаевна в написании очерка «Пожар Зимнего дворца», в котором Жуковский воспользовался полученными от нее сведениями об этом событии. Мария Ни-

колаевна под влиянием Жуковского также пробует свои силы в словесности: в 1833 г. она принялась сочинять повесть, по-видимому так и недописанную [5. С. 427].

Сами отношения Жуковского с Марией Николаевной поэтизируются, встраиваясь в созданную первым русским романтиком поэтическую мифологию царского семейства. Центральное место в ней занимал образ императрицы Александры Федоровны как Лаллы Рук, «гения чистой красоты». Отблески этого образа падали и на Марию Николаевну. Может быть, не случайно именно ей Жуковский в 1831 г. завещал альбом с портретом ее матери в костюме Лаллы Рук [15. С. 109]⁸ и (возможно) подарил автограф своего стихотворения «Явление поэзии в виде Лалла Рук»⁹. Сближению образа Мери с образом Лаллы Рук способствовало то, что во внешности своей великая княжна имела что-то восточное, напоминавшее о «тюльпанощекой» индийской принцессе, а потому необычайно эффектно выглядела в персидских [6. С. 217] или татарских [10. С. 76] одеждах. Даже свадьба Мери, отпразднованная Николаем I с необычайным размахом и торжественностью, на взгляд европейского путешественника, была сродни восточной сказке. «Картина, представшая моему взору, не уступает самым фантастическим описаниям «Тысячи и одной ночи»; при виде ее вспоминаешь поэму о Лалла Рук или сказку о волшебной лампе Алладина – ту восточную поэзию, где ощущение берет верх над чувствами и мыслью», – вспоминал о свадебном торжестве А. де Кюстин [17. С. 149].

Но все же Лаллой Рук в мифопоэтической вселенной Жуковского была именно Александра Федоровна¹⁰; Марии Николаевне поэт отводил иное место. В первоустановочном для его отношений с Мери сюжете (поэт пе-

⁸ Имеется в виду французское или немецкое издание иллюстрированного альбома о празднике, экземпляр которого был подарен Жуковскому самой императрицей в Берлине в 1830 г.

⁹ Автограф этот хранится в ГАРФ среди писем Жуковского к Марии Николаевне (Ф. 728. Оп. 1. № 1528. Л. 19–19 об.) и озаглавлен «Поэзия в виде Лалла Рук». На л. 18 пометка: «Стихи Жуковского, посвященные Алекс. Фед. – Писаны им самим». Текст автографа белой, отличается от печатного в основном пунктуацией, но в его четвертом катрене читается существенный вариант: «Царица песней молодая» (Л. 19) вместо «Богиня песней молодая» печатного издания. Этот вариант точно соответствует стиху из стихотворения Г. Штегман, как известно, послужившего Жуковскому оригиналом: «Der Dichtung junge Königen» [16. С. 668]. Поскольку поэт старался скрыть от широкой публики адресованность своего стихотворения Александре Федоровне, очевидно, перед нами список, предназначавшийся для обращения в узком кругу, а может быть, и подаренный самому адресату. На эту мысль наводит то, что в нем над каждым словом проставлены ударения – Александра Федоровна плохо говорила по-русски. Замена «царицы» на «богиню», скорее всего, произошла после 1825 г., когда Александра Федоровна и правда стала царицей. В таком случае перед нами ранняя редакция текста, которую следует датировать 1821 г.: именно тогда Жуковский, по его собственному признанию в письме А.И. Тургеневу, сообщил свое стихотворение Александре Федоровне.

¹⁰ Очень похожую на нее внешне дочь Александру Николаевну Жуковский называл «другой Лаллой Рук» [14. С. 606].

ред колыбелью) и основополагающем для их отношений тексте (стихотворении «Праматерь внуке»), а также в их переписке Марии Николаевне отведена роль «младенца». Она – невинный, «тихий» младенец, который, как небесный «колониист», появляется на земле, покинув на время свою горную «отчизну», и «расцветает», «весело и беззаботно порхая на крыльях молодости по свежему лугу жизни» [5. С. 430]. Вполне может быть, что закрепление за новорожденной Мери образа «тихого», «небесного гостя» произошло под влиянием внешних обстоятельств: роды Александры Федоровны были неожиданны, скоротечны и происходили в третьем часу ночи, так что волнение, суета и беспокойство прошли мимо придворных, заставших утром уже родившееся дитя [18. С. 54–55]. Но наряду с этим на мифопозицию отношений Жуковского с Марией Николаевной с самого начала оказывала влияние и повесть Ф. Де Ла Мотт Фуке «Ундина», в которой главная героиня также внезапно и тихо появляется на пороге рыбацкой хижины своих приемных родителей (глава 2).

Рождение Марии Николаевны пришлось на время увлечения Жуковского творчеством этого немецкого романтика¹¹, которого он в эти годы относил к числу немногих оригинальных писателей современности наряду с Гете и Шиллером [19. С. 475]. По мере того как Мери подрастала, она в глазах поэта становилась все более похожей на Ундину. Или наоборот: Ундина в сознании Жуковского все более и более делалась похожей на Мери. По крайней мере, своенравие, стихийная капризность, «живая веселость» и добросердечие в равной степени свойственны им обеим. В своем стихотворном переводе повести Фуке, сделанном по настоянию Марии Николаевны, Жуковский наделил Ундину многими чертами своей ученицы. Так, Ундине идет восемнадцатый год (как и Марии Николаевне в год окончания перевода – 1837), но она – «сущий младенец» [19. С. 110], «неразумный младенец» [там же. С. 186] с «пурпурными губками» [там же. С. 111]. От Марии Николаевны героиня повести унаследовала «голубые глаза» «под сумраком черных ресниц» [там же] (Фуке упоминает лишь о том, что Ундина была белокура). Описывая характер Ундины, Жуковский вставляет целый пассаж, отсутствующий у Фуке и живо напоминающей известные по мемуарным свидетельствам качества великой княжны:

Райским виденьем сияла она: чистота херувима,
Резвость младенца, застенчивость девы, причудливость Никсы,
Свежесть цветка, порхливость Сильфиды, изменчивость струйки...
Словом, Ундина была несравненным, мучительно милым,
Чудным созданием... [там же. С. 135]

Особенно любопытно здесь упоминание «порхливости Сильфиды». Оно, вероятно, отсылает к уже известному нам эпизоду, когда Мери, одетая сильфидой, в нарушение бального этикета, одна «порхала» из залы в

¹¹ Он прочитал его повесть в 1815 г., в 1817 г. намеревался перевести «Ундину» стихами, а в 1820 г. познакомился с Фуке лично [19. С. 473–475].

залу на костюмированном балу. Случай этот, описанный в воспоминаниях княгини Леониллы Витгенштейн со слов самой Александры Федоровны, был, вероятно, широко известен в свете. Вряд ли можно сомневаться в том, что о нем знал и Жуковский.

Перевод «Ундины» поэт предварил стихотворным посвящением Марии Николаевне, которое, по справедливому замечанию Н. Ветшевой [20. С. 482], с полным правом можно поставить в ряду его «эстетических манифестов». В нем суммируются уже знакомые нам мотивы пустой колыбели, «милого гостя», «тихого младенца», «уроженца неба». Они были частью мифопоэтической «философии Лаллы Рук», которая строилась на радикальном противопоставлении небесного и земного, разделенных завесой, распахивающейся в «чистые мгновения бытия», когда на земле является вестник небесного – «гений чистой красоты», «ангел», «мимо пролетевший гений», «таинственный посетитель», «Лалла Рук» – олицетворение поэтического начала. В роли такого вестника выступает в данном случае похожий на «божьего ангела» «младенец»¹² – Мария Николаевна (ср. ее портрет в виде ангела со свечой и кадилом, выполненный Т.А. Неффом), «явление» ее «завсегда» «наводит поэзию» на душу.

Реконструировав таким образом и биографический, и мифопоэтический контекст отношений Жуковского и Марии Николаевны, перейдем теперь к анализу стихотворения «Мне привиделся сон...». Черновой автограф текста этого стихотворения, хранящийся в НИОР РГБ (Ф. 104. Карт. 1. № 6), написан простым карандашом на пяти листах белой бумаги большого формата (32, 3 × 21, 3 см и 33, 9 × 21, 3 см) и изобилует правками, причем на л. 3, 3 об. правки внесены поверх карандаша коричневыми чернилами. Почерк рукописи однозначно свидетельствует о том, что ее следует датировать не 1830-ми гг., как (впрочем, со знаком вопроса) указано на архивном деле, а последними месяцами жизни Жуковского, когда из-за болезни глаз он был вынужден писать практически вслепую, используя изобретенное им самим приспособление для письма. Именно так написан текст на л. 1; текст на остальных листах написан обычным почерком: очевидно, во время работы над автографом болезнь еще не развилась в полную силу. Впрочем, слепнувшему поэту помогал и преданный ему камердинер и секретарь Василий Кальянов, почерком которого внесена (несомненно, под диктовку Жуковского) часть правки.

Можно с уверенностью предполагать, что стихотворение было написано в начале августа 1851 г. Жуковский в то время вместе со своим семейством жил в Баден-Бадене, откуда в июле 1851 г. собирался выехать в Россию. Однако путешествие пришлось отменить из-за начавшегося за два дня до отъезда воспаления глаз [22. С. 13; 23. С. 435]. По рекомендации врачей на глаза была наложена повязка, поэт должен был находиться в темной комнате и беречь зрение, поэтому и писал теперь с помощью

¹² Ср. наблюдения исследовательницы о том, что Жуковский в своем переводе постоянно сравнивает Ундину с младенцем и ангелом: [21. С. 52].

уже известной нам «машинки» – крупным почерком, карандашом, на больших листах¹³.

1(13) июля 1851 г. в Баден приехала вел. кн. Мария Николаевна. Жуковский не видел ее уже много лет, переписка между ними оборвалась, видимо, около 1847 г., однако повзрослевшая Мери никогда не забывала о своем учителе. «Мария Николаевна поручила мне сказать вам, что, несмотря на трехлетнее молчание, она по-прежнему любит вас и часто о вас вспоминает», – сообщал П.А. Плетнев Жуковскому в письме 6 мая 1850 г. [25. С. 664].

Жуковский был очень обрадован встречей с великой княгиней, приезд которой был для него «явлением Руси на чужой стороне» [25. С. 723]. Приветствуя Марию Николаевну, он написал стихотворение, изданное отдельным оттиском: «Ее императорскому Высочеству, государыне великой княгине Марии Николаевне приветствие от русских, встретивших ее в Бадене». Текст этого стихотворения наполнен реминисценциями из посвящения к «Ундине» и воспоминаниями о «*Минувшем*», которое благодаря приезду Марии Николаевны воскресло для Жуковского. Мария Николаевна вновь становится для него «небесным гостем» и «вестником», на этот раз гостем из идеализированного, волшебного прошлого. Поэтикой воспоминания проникнуто и написанное под впечатлением встречи с Марией Николаевной стихотворение «Царскосельский лебедь» (1852).

Поскольку болезнь не выпускала Жуковского на улицу, Мария Николаевна навещала его дома. Она провела у него три вечера [26. С. 107]. Как и в старину¹⁴, одной из основных тем их разговоров было искусство. Впечатленная красивым видом из окна своей виллы, великая княгиня мечтала, чтобы Жуковский запечатлел этот пейзаж на рисунке. Поэт запомнил это желание и отправил гувернантке ее дочери В.П. Барыковой записку: «Великая княгиня хотела, чтобы я ей нарисовал вид из ее виллы. У меня для этого глаз нет. Посылаю к вам рисовщика, покажите ему тот вид, которого желает великая княгиня; и пускай он нынче же снимет его: это будет ей от меня подарок»¹⁵. Записка помечена августом 1851 г. Очевидно, что подарок предназначался ко дню рождения, который Мария Николаевна праздновала 6 (18) августа. Другим подарком, вероятно, должно было стать интересующее нас стихотворение.

Оно предельно наполнено «семейной» семантикой, действующими лицами в нем являются дети Марии Николаевны – десятилетняя Мария (Ма-

¹³ «У меня все было готово к отъезду в Россию; но за два дни до назначенного срока заболел мой глаз, и вот уже более десяти недель, как я сижу взаперти, не могу работать, не могу читать и, как Вы видите, пишу карандашом, пользуясь машинкою, которую мой изобретательный гений создал на случай *слепоты* и благодаря которой могу писать с закрытыми глазами. Но много писать и с машинкою не могу: глаза, не видя, смотрят, и это их утомляет», – объяснял Жуковский 24 сентября (6 октября) 1851 г. в письме вел. кн. Константину Николаевичу [24. С. 92].

¹⁴ Ср., например, письмо Жуковского от 2 (14) июля 1838 г., легшее в основу «Очерков Швеции» [14. С. 603–613].

¹⁵ РГБ. Ф. 104. К. 1. № 7. Л. 1–1 об.

руся), семилетняя Евгения и пятилетний Евгений, а также другие ее родственники. Вот как они перечислены на одном из листов автографа:

Папа	
Сергievка	
Анпапа	
Анмама	
дядя Коко	
---- Саш<a>	
---- Мери	
Саня <1 нрзб ¹⁶ >	
дядя Низи	
---- Мизи	
Никс<ъ>	Маруся
Саша	Евгeнят<a>
В<o>лодя	
Ал<e>к<сфй>	Патапуфь ¹⁷
Никола (Л. 5).	

В репликах, которыми они обмениваются, рассыпано множество аллюзий на различные обстоятельства домашней жизни Марии Николаевны – разумеется, кроме трагических (смерть старшей дочери Александры в 1843 г., разрыв отношений с мужем, произошедший в 1840-е гг., – Максимилиан Лейхтенбергский вовсе не упоминается в стихах, хотя и упомянут в приведенном выше списке персонажей). По сути, стихотворение представляет собой инсценировку, небольшую пьесу в стихах, которую, возможно, собирались показать Марии Николаевне на день ее рождения. Актерами стали бы дети, а обязанности режиссера могла взять на себя В.П. Барыкова: в свою бытность фрейлиной она была активной участницей тех галиматейно-галантных литературных игр, которым с таким удовольствием предавался Жуковский в Павловске в 1819–1820 гг. В таком случае Марусе пришлось бы выучить довольно длинный текст, Евгении и Евгению – поменьше.

Несмотря на то, что стихотворение предназначалось исключительно для дома, оно тщательно проработано. Размер (двустопный анапест) и рифмовка (парная) выбраны таким образом, чтобы облегчить запоминание текста детьми. И в то же время стихотворение «Мне привиделся сон...» (в

¹⁶ Возможно: «Кре<стная>» (?) или, скорее, Кра<сивая> (?). Супруга вел. кн. Константина Николаевича Александра Иосифовна в молодости отличалась необычайной красотой.

¹⁷ Возможно, таким было прозвище младшего на 1851 г. сына вел. кн. Марии Николаевны двухлетнего Сергея (1849–1877), будущего героя Русско-турецкой войны, от французского «ratarouff», что можно перевести примерно как «увалень»: по словам М. Дебрeнн, так называют человека, который неуклюже ходит, вот-вот упадет (само слово представляет собой оноματοпею, звукоподражание, означающее звук падения). Благодарю проф. М. Дебрeнн (Новосибирск, НГУ) за консультацию о семантике этого слова.

отличие от написанных примерно тогда же «Птички», «Котика и козлика» и «Жаворонка») нельзя назвать исключительно детским. Оно вобрало в себя многие образы и мотивы «философии Лаллы Рук».

Прежде всего, это мотив сна как созерцательного состояния, в котором лирический герой получает небесное откровение. Мотив этот не только определяет поэтику основополагающей для «философии Лаллы Рук» статьи «Рафаэлева Мадонна» (выдержки из письма Жуковского к Александре Федоровне), но и присутствует в переписке Жуковского с Марией Николаевной 1830-х гг. «Я опишу вам только сон», – писал ей поэт, предваряя этими словами свой рассказ о путешествии в Швецию¹⁸.

Во-вторых, это уже упоминавшийся выше мотив «небесного вестника» (в данном случае «Ангела»), распахивающего завесу, отделяющую здешнее бытие от идеального мира. Место идеального мира в стихотворении занимает семейная идиллия, а место завесы – «облачко», которое поднимает Ангел. Впрочем, в первоначальном тексте «завеса» («занавеска») присутствовала, что видно из редакции (в прямых скобках привожу зачеркнутые Жуковским варианты):

Мнѣ казалось во снѣ,
Что твой Ангелъ, ко мнѣ
[Подошедъ,] [Подошель, указаль]
[Подошедъ] Подошель; он [под<ъ>яль] поднял
[Занавѣску, сказалъ:]
[Подошель и сказалъ онъ поднявъ
Занавѣску, и] Облачко и сказал <...>

Примечательно, что мотивы «философии Лаллы Рук» используются здесь в сниженном, «бытовом» регистре. Подобное их травестирование было обычным для «галантно-прециозной» придворной поэзии Жуковского. В частности, в таком стихотворении павловского цикла, как «Графине С.А. Самойловой» (1819), образы, в других случаях употребляемые Жуковским в серьезном контексте, последовательно травестируются: завеса превращается в носовой платок, странствующий в «морской пучине» вместе с башмаком. Таким образом, на закате дней для Жуковского ожило то время «галиматейных» литературных игр и придворного общения, когда он служил учителем русского языка Александры Федоровны в Павловске и когда родилась Мария Николаевна.

Для нее встреча со своим постаревшим учителем тоже стала возвращением в былое. «На неделе провел я восхитительный вечер у В. К. Марии Николаевны tête-à-tête. <...> Много переговаривали мы о прошлом, след[овательно] большею частию о вас», – сообщал П.А. Плетнев Жуков-

¹⁸ Вообще, для Жуковского было обычным переживать некоторые свои путешествия, как сон: «Я видел прекрасный сон», – писал он Александре Федоровне о путешествии по Швейцарии. «<...> Видел чудесный лихорадочный сон – Италию». См. об этом в статье О.Б. Лебедевой: [27. С. 440].

скому вскоре после приезда княгини в Россию [22. С. 708]. В истории отношений Жуковского с Марией Николаевной конец сошелся с началом: как поэт когда-то приветствовал ее в ее колыбели, так она, единственная из всех его царственных учеников, была рядом с Жуковским незадолго до его кончины¹⁹.

Ниже мы приводим реконструкцию текста стихотворения «Мне привиделся сон...», а также реальный комментарий к нему. Используем здесь термин «реконструкция», поскольку беловик стихотворения отсутствует, а последний слой текста черновика остался не вполне завершенным. Эта незавершенность выразилась прежде всего в том, что на Л. 4 об. остался незачеркнутым фрагмент²⁰, явно выбивающийся из остального текста, а также в том, что последовательность текста не совпадает с последовательностью листов рукописи. Впрочем, затруднения, вызываемые этим, не слишком велики. Содержание стихотворения подсказывает, что листы следует читать в таком порядке: л. 1, л. 4, л. 3 об., л. 3, л. 1 об., а упомянутый выше фрагмент, написанный сбоку листа, очевидно, не был бы включен в окончательный текст.

Стихотворение приводится по новой орфографии, пунктуация приведена к современной норме, при этом расставлены пропущенные Жуковским знаки препинания, а также исправлены описки. В приложении помещаем транскрипцию текста рукописи (к сожалению, по техническим причинам, не имея возможности сопроводить ее факсимиле). Пропущенные Жуковским буквы при этом восстанавливаются в угловых скобках, зачеркивания – в квадратных. Неуверенно прочитанные слова приводятся в угловых скобках. Курсивом выделены исправления, сделанные рукой Василия Кальянова.

<Маруся>¹

- ¹ Мне привиделся сон;
Как же весел был он!
Мне казалось во сне,
Что твой Ангел ко мне
Подошел; он поднял
Облачко и сказал:
Погляди! Я гляжу:
Вижу, будто сижу
С Евгеньтками² там,
¹⁰ Где так весело нам,
В нашей Сергиевке³: ты
С поздравленьем цветы

¹⁹ Последние дни П.А. Плетнева также оказались скрашены общением с ней. Когда в 1858 г. Плетнев долго и мучительно умирал в Париже, «Мэри, блиставшая в то время <...> на празднествах и балах при дворе Наполеона III, успевала навещать нашего старого друга, чтобы отплатить ему той же верностью и добротой, которую он питал к нам, детям», – вспоминала ее сестра [2].

²⁰ «[Визготня] <Крикотня>, хо<хо>тня / Бѣготня, толкотня / Словомъ все что у насъ / Такъ бываетъ у насъ / Какъ сберется семья / Въ кругъ все<й> родни».

Приняла уж, и вот
Вдруг ковер самолет
Прилетел, и на нем
Никс с Сережей⁴ вдвоем.
Прилетевши, бегут
Целоваться с тобо<й>⁵
И потом всей семьей.
²⁰ С анпапа, с анмама⁶
Входит радость сама
Тетя Оли⁷, за ней
Дядя Саша с своей
Цесаревной⁸, за ним
Мореходец Коко
С тетей Саней⁹; потом
Важно в ногу вдвоем
Входят Низи¹⁰, Мишель¹¹.
Вся за ними артель
³⁰ Крикунов, бегунов,
Сорванцов, шалунов:
Саша, Никз, Алексей
И Володя¹². Гостей
Все бежим мы встречать,
Обнимать, целовать...
Тут мой кончился сон,
Но пророчит мне он,
Что недолго уж ждать
Нам несонным обнять
⁴⁰ Наших ангелов там,
Где так весело нам.
Наяву мне поверь,
А тебе я теперь
Поздравительный стих
От себя, от твоих
Евгений приношу...

Евгения

Евгения? – Я прошу
Извинить – за себя
Постою я сама,
⁵⁰ Я не так без ума,
Чтоб Мамаше моей
Не сказать, как мы ей,
Я и брат...

Евгений

Я и брат!
Уж совсем я не рад,
Чтоб другой кто моим
Управлял языком.
Сам управлюсь путем

Без помощника с ним.
⁶⁰ Сам я русский солдат,
 Барабанить я хват!
 Тарара! тара!
 Мне ружье по плечу,
 И теперь я кричу
 Всею грудью: ура!
 Имею честь поздравить
 Ваше Императорское Высочество,
 Государыня матушка
 Великая Княгиня
⁷⁰ МАРИЯ НИКОЛАЕВНА,
 со днем
 Вашего рождения
 от себя
И от двух моих сестриц.
Маруся и Евгения
 Нет! Мы сами! Нет! Мы сами

Все вместе
 Ура! ура! ура!

Комментарии

¹ <Маруся> – это имя в рукописи отсутствует, добавлено нами по смыслу. Текст стихотворения ясно указывает на то, что оно начинается с реплики Маруся, т.е. Марии (1841–1914), старшей дочери Марии Николаевны.

² *Евгениятки...* – дети вел. кн. Марии Николаевны: Евгения (1845–1925) и Евгений (1847–1901).

³ *В нашей Сергиевке...* – Сергиевка, дворцово-парковый ансамбль в Петергофе, подаренный Марии Николаевне и ее мужу Максимилиану Лейхтенбергскому Николаем I.

⁴ *Никс с Серезей...* – дети Марии Николаевны: Николай (1843–1891) и Сергей (1849–1877).

⁵ *...с тобо<й>* – в рукописи, возможно, по ошибке: «с тобою». Помещаем в строку вариант «с тобой», так как тогда сохраняется парная рифма, характерная для всего стихотворения.

⁶ *С анпапа, с анмама...* – анпапа, анмама – домашнее название дедушек и бабушек у Романовых. Имеются в виду родители Марии Николаевны император Николай Павлович и императрица Александра Федоровна.

⁷ *Тетя Оли...* – великая княгиня Ольга Николаевна (1822–1892), дочь Николая I, сестра Марии Николаевны.

⁸ *Дядя Саша с своей / Цесаревной...* – наследник престола цесаревич Александр Николаевич (1818–1881), брат Марии Николаевны, и его супруга цесаревна Мария Александровна (1824–1880).

⁹ *Мореходец Коко / С тетей Саней...* – великий князь Константин Николаевич (1827–1892), с 1848 г. контр-адмирал и шеф Морского кадетского корпуса, и его супруга – Александра Иосифовна (1830–1911) (ее домашнее прозвище – «тетя Санни»).

¹⁰ *Низи...* – великий князь Николай Николаевич (1831–1891), брат Марии Николаевны, его домашнее прозвище – «дядя Низи».

¹¹ *Мишель.* – великий князь Михаил Николаевич (1832–1909), брат Марии Николаевны.

¹² *Саша, Никз, Алексей / И Володя* – дети цесаревича Александра Николаевича: Александр (будущий император) (1845–1894), Николай (1843–1865), Алексей (1850–1908) и Владимир (1847–1909). Алексей в будущем станет отцом внука В.А. Жуковского – А.А. Белевского-Жуковского.

Приложение

Л. 1

Мнѣ привидѣлся сонѣ;
 Какъ же весель былъ онѣ!
 Мнѣ казалось во снѣ,
 Что твой Ангелъ, ко мнѣ
 [Подошедь,] [Подошелъ, указаль]
 [Подошедь] Подошелъ; он [под<ъ>яль] подняль
 [Занавѣску, сказалъ:]
 [Подошелъ и сказалъ онѣ поднявъ
 Занавѣску, и] Облачко и сказалъ:
 Погляди! Я гляжу:
 [Гдѣжъ подумай сижу]
 [Что жъ я]
 Вижу, будто сижу
 Съ Евгеньтками тамъ,
 Гдѣ такъ весело намъ,
 [Что] Въ [нашергіевкѣ] *нашей Сергѣвѣкѣ*: ты
 Съ поздравленьемъ цвѣты
 [Принимаешь отъ насъ и] *Приняла уж и* вотъ
 Вдругъ коверъ самолетъ
 [Пролетѣлъ] Прилетѣлъ и на немъ
 [Никии] Никсъ съ Сережей вдвоемъ
 [Прилетѣвши] *Прилетѣвши* бѣгутъ
 Цѣловаться с тобою
 И [за ни] потомъ всей семьѣй

/ Л. 4

[*Санпапа Санмама*] Съ *анпапа* [*Сан*] съ *анмама*
 Входитъ радость сама
 [Анпапа анмама]²¹
 Тетя Оли за ней
 Дядя Саша съ своей
 Цесаревной, за нимъ

²¹ На л. 4 об. имеются четыре коротких строки отрывочных набросков, относящихся к этому месту.

Мореходец Коко
 Съ [тетѣ] *тетей* Саней; потомъ
 [Стройно] *Важно* Въ ногу [ид<у>тъ] вдвоемъ
 [Дяди Ники и Мишель]
 [Миш] *Входятъ Низи Мишель* [потомъ] [*потомъ*]
 [В ногу идутъ вдвое[мъ]]
 [А] *Вся* за ними Артель
 Крикуновъ, *бѣгуновъ*,
 Сорванцовъ *шалуновъ*
Саша Никзъ Алексѣй
и Володя.
 [Визготня] <Крикотня>, хо<хо>тня
 Бѣготня, толкотня
 Словомъ все что у насъ
 Такъ бываетъ у насъ
 Какъ сберется семья
 Въ кругъ все<й> родни

/Л. 3 об.

И Володя – гостей
 [Принимать]
 [Я бѣгу мы бѣжимъ приним<ать>]
 [А] Всѣ бѣжимъ мы встречать,
 Обнимать²², цѣловать....
 Тутъ мой кончился сонъ;
 [Быль пророкомъ] [Намъ пророчить] Но пророчить мнѣ онъ
 [Что] Что не долго ужъ ждать
 [На яву обнимать] [Что несоннымъ обнять] Намъ несоннымъ обнять
 [Намъ ихъ] *Нашихъ ангеловъ тамъ*
 [Нашихъ] Гдѣ такъ весело намъ.
 [6 строчек зачеркнуто нрзб.]
 На яву мнѣ поверь,
 А тебѣ я теперь
 Поздравительный стихъ
 [За] Отъ себя отъ твоихъ
 Евгенья приношу...

Евгенья

Евгенья? – Я прошу
 Извинить – за [меня] себя
 [Не тру<д>ись – Я сама]
 [Ужъ я сама постою] Постою я сама
 [И Мамашу мою]
 Я не такъ безъ ума

²² Над строкой остался незачеркнутый вариант: тормошить.

[Н] Чтобъ Мамаш<ѣ> моей
Не сказать, какъ мы ей,
Я и братъ...

Евгеній

[Ужъ совсѣмъ я не радъ]
[Чтобъ моимъ]
[Я и братъ
Извини]
Я и братъ!

/Л. 3

[Кто чтобъ моимъ языкомъ]
[Кто другой говорилъ]
[Вотъ ужъ я не радъ]
Ужъ совсѣмъ я не радъ
Чтобъ другой кто моимъ
[Здѣсь владѣлъ] Управлялъ языкомъ
[Безъ помощника съ нимъ]
[Я] Самъ управлюсь путемъ
Безъ помощника с нимъ
Самъ я Русскій солдатъ
[Съ кѣмъ угодно я владъ]
[Какъ 1 нрзб] [Марширую я владъ] Барабанить я хватъ!
Тарара! тара!
[Барабанъ] Мнѣ ружье по плечу[,]
И теперь я кричу
Всею грудью: ура!

/Л. 2

Имѣю честь поздравить
Ваше Императорское Высочество
Государыня матушка
Великая Княгиня
МАРІЯ НИКОЛАЕВНА
со днемъ
Вашего рожденія
отъ себя
[Ура! Ура! Ура!]
И отъ двухъ моихъ сестрицъ

Маруся и

Евгенія

Нѣтъ! Мы сами! Нѣтъ! Мы сами

Всѣ вместе

Ура! ура! ура!

Литература

1. Кузьмин Ю.А. Российская императорская фамилия. СПб. : Дмитрий Буланин, 2011. 440 с.
2. Ольга Николаевна, вел. кн. Сон юности. URL: http://dugward.ru/library/olga_nick.html
3. Каменская М. Воспоминания. М. : Худож. лит., 1991. 383 с.
4. Белова А.В. «Четыре возраста женщины». Повседневная жизнь провинциальной русской дворянки XVIII – середины XIX в. СПб. : Алетейя, 2014. 480 с.
5. Переписка великой княгини Марии Николаевны с В.А. Жуковским // Русский архив. 1895. Т. 87. С. 421–444.
6. Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания / изд. подгот. С.В. Житомирская. М. : Наука, 1989. 789 с.
8. Grimm A.Th., von. Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland. Erster Band. Leipzig, 1866. 347 S.
9. Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. М. : Мысль, 1991. 191 с.
10. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 14: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки 1834–1847 / сост. и ред. О.Б. Лебедева, А.С. Янушкевич. М. : Языки славянской культуры, 2004. 768 с.
11. Sayn-Wittgenstein [L.], de. Souvenirs (1905–1907). Paris, [1908]. 182 p.
12. Из воспоминаний княгини Витгенштейн // Русская старина 1908. № 12. С. 735–742.
13. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки 1804–1833 / сост. и ред. О.Б. Лебедева, А.С. Янушкевич. М. : Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
14. Жуковский В.А. Сочинения. 8-е изд. СПб., 1885. Т. 6. 640 с.
15. Мисайлиди Л.Е. Завещание В.А. Жуковского 1831 года // Пушкин и его современники: сб. науч. тр. Вып. 5 (44) / под ред. Е.О. Ларионовой, О.С. Муравьевой. СПб. : Нестор-История, 2009. С. 99–120.
16. Литературное наследство. Т. 91: Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) / исслед. М.П. Алексеева. М. : Наука, 1982. 863 с.
17. Кюстин А. де. Россия в 1839 году / пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. СПб. : Крига, 2008. 704 с.
18. Воспоминания императрицы Александры Федоровны с 1817 по 1820 г. // Русская старина. 1896. № 10. С. 13–60.
19. Фуке де ла Мотт Ф. Ундина / изд. подгот. С.Р. Брахман, Н.А. Жирмунская, Н.В. Ланда, С.В. Тураев, Д.Л. Чавчавадзе. М. : Наука, 1990. 556 с.
20. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 4: Стихотворные повести и сказки / сост. и ред. А.С. Янушкевич. М. : Языки славянской культуры, 2009. 640 с.
21. Каишафутдинова З.М. Особенности романтической поэтики в повести Фуке «Ундина» и в поэтическом переводе В.А. Жуковского // Вестник Пермского университета 2009. Вып. 2. С. 49–55.
22. Киртичников А.И. Последние годы и дни Жуковского. СПб., 1902. 23 с.
23. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем : в 17 т. Т. 15: Переписка. 1848–1852 / сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М. : Изд-во Московской патриархии, 2009. 624 с.
24. Письма В.А. Жуковского к Его Императорскому Высочеству Государю Великому князю Константину Николаевичу. М., 1867. 93 с.
25. Сочинения и переписка П.А. Плетнева. СПб., 1885. Т. 3. 746 с.
26. Письма В.А. Жуковского к императору Николаю I и императрице Александре Федоровне // Памяти В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя. СПб., 1907. Вып. 1. С. 1–107.

27. Лебедева О.Б. Принципы романтического жизнестроительства в дневниках В.А. Жуковского // Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки 1804–1833 / сост. и ред. О.Б. Лебедева, А.С. Янушкевич. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 420–442.

“I HAD A DREAM; IT WAS SO CHEERFUL...”: AN UNKNOWN POEM BY V.A. ZHUKOVSKY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 51. 110–129. DOI: 10.17223/19986645/51/10

Dmitry V. Dolgushin, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: D_Dolgushin@mail.ru

Keywords: V.A. Zhukovsky, Grand Duchess Maria Nikolaevna, Romanticism, T. Moore, F. De La Motte Fouquet, Nicholas I.

The aim of this article is to publish the text of the previously unknown poem by V.A. Zhukovsky “I had a dream . . .”, whose autograph draft is stored in the Russian State Library (Fund 104. Box 1. Item 6), as well as to study the poetics of this poem and the history of its creation.

The poem is addressed to the eldest daughter of Emperor Nicholas I – Grand Duchess Maria Nikolaevna, and the first part of the article contains an overview of the history of her relations with Zhukovsky. These relations began from the birth of the Grand Duchess, which the poet welcomed with the poem “From Grandmother to Granddaughter”. As a mentor of the royal children Zhukovsky took part in their education. Maria was his favorite student: her lively character, quick mind and curiosity combined with restlessness differed her from her elder brother (Grand Prince Alexander Nikolaevich). By the mid-1830s, friendly relations were established between the poet and his student. Lots of Zhukovsky’s creative undertakings of this time were connected with Maria Nikolaevna: “Letters from Sweden”, “Borodino Anniversary” are addressed to her, the translation of “Undine” is dedicated to her.

Zhukovsky’s relations with Maria Nikolaevna organically embedded in the poetic mythology of the royal family; each member of the family was allotted in a mythopoetic way. Zhukovsky gave Maria Nikolaevna the role of a “heavenly baby”, Undine. Zhukovsky not only prefaced this poem with a dedication addressed to Maria Nikolaevna, but also filled it with numerous allusions to the features of her appearance and her restless but good nature, which the contemporaries of the Grand Duchess knew well about.

In the second part of the article the circumstances of writing the poem “I had a dream . . .” are reconstructed. The features of the handwriting (the text is written with a typewriter for writing, which Zhukovsky began to use because of his eye disease) and the content indicate that the poem should be dated by the beginning of August, 1851, when Zhukovsky, who then lived in Baden-Baden, after a long time met with Maria Nikolaevna, who arrived in this resort town in July. Probably his poem was dedicated to the birthday of Maria Nikolaevna on 9 (18) Aug. Perhaps the poem was to be learned by the children of Grand Duchess Maria, Eugenia and Eugene (the text of the poem consists of their lines). A poem contains the home names of the Grand Duchess’ family, and at the same time allusions to the usual mythopoetic motifs of the “philosophy of Lalla Rookh”. These motifs, reduced to the household level, correspond to his poetry of the Pavlovo cycle, related to the times when the relationship between Zhukovsky and Maria Nikolaevna was just beginning.

The article concludes with the publication of the reconstructed text of the poem “I had a dream . . .”, accompanied with the actual review, facsimiles of manuscripts and the transcription of the draft.

References

1. Kuz'min, Yu.A. (2011) *Rossiyskaya imperatorskaya familiya* [The Russian Imperial Family]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
2. Olga Nikolaevna, Grand Duchess. (1883) *Son yunosti* [A dream of youth]. [Online] Available from: http://dugward.ru/library/olga_nick.html.
3. Kamenskaya, M. (1991) *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow: Khudozh. lit.
4. Belova, A.V. (2014) "*Chetyre vozrasta zhenshchiny*". *Povsednevnyaya zhizn' provintsial'noy russkoy dvoryanki XVIII – serediny XIX v.* ["Four ages of a woman." The daily life of a provincial Russian noblewoman from the 18th to the mid-19th centuries]. St. Petersburg: Aleteyya.
5. Russkiy arkhiv. (1895) *Perepiska velikoy knyagini Marii Nikolaevny s V.A. Zhukovskim* [Correspondence of Grand Duchess Maria Nikolaevna with V.A. Zhukovsky]. *Russkiy arkhiv*. 87. pp. 421–444.
6. Smirnova-Rosset, A.O. (1989) *Dnevnik. Vospominaniya* [A diary. Memoirs]. Moscow: Nauka.
7. Grimm, A.Th., von. (1866) *Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland* [Alexandra Feodorovna, Empress of Russia]. Vol. 1. Leipzig.
8. Tyutcheva, A.F. (1991) *Pri dvore dvukh imperatorov* [At the court of two emperors]. Moscow: Mysl'.
9. Zhukovskiy, V.A. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete works and letters]. Vol. 14. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
10. Sayn-Wittgenstein, [L.], de. (1908) *Souvenirs (1905–1907)*. Paris.
11. Russkaya starina. (1908) *Iz vospominaniy knyagini Vitgenshteyn* [From the memoirs of Princess Wittgenstein]. *Russkaya starina*. 12. pp. 735–742.
12. Zhukovskiy, V.A. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete works and letters]. Vol. 13. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
13. Zhukovskiy, V.A. (1885) *Sochineniya* [Works]. 8th ed. Vol. 6. St. Petersburg.
14. Misaylidi, L.E. (2009) *Zaveshchaniye V.A. Zhukovskogo 1831 goda* [Testament of V.A. Zhukovsky of 1831]. In: Larionova, E.O. & Murav'eva, O.S. (eds) *Pushkin i ego sovremenniki* [Pushkin and his contemporaries]. Is. 5 (44). St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
15. Alekseev, M.P. (1982) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 91. Moscow: Nauka.
16. Custine, A. de. (2008) *Rossiya v 1839 godu* [Russia in 1839]. Translated from French by O. Grinberg, S. Zenkin, V. Mil'china, I. Staf. St. Petersburg: Kriga.
17. Russkaya starina. (1896) *Vospominaniya imperatritsy Aleksandry Fedorovny s 1817 po 1820 g.* [Memories of Empress Alexandra Feodorovna from 1817 to 1820]. *Russkaya starina*. 10. pp. 13–60.
18. Fouquet de la Motte, F. (1990) *Undina* [Undine]. Translated from French. Moscow: Nauka.
19. Zhukovskiy, V.A. (2009) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete works and letters]. Vol. 4. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
20. Kashafutdinova, Z.M. (2009) *Osobennosti romanticheskoy poetiki v povesti Fuke "Undina" i v poeticheskom perevode V.A. Zhukovskogo* [Features of romantic poetics in Fouquet's "Undine" and in V.A. Zhukovsky's poetic translation of]. *Vestnik Permskogo universiteta – Bulletin of Perm University*. 2. pp. 49–55.
21. Kirpichnikov, A.I. (1902) *Poslednie gody i dni Zhukovskogo* [The last years and days of Zhukovsky]. St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk.
22. Gogol, N.V. (2009) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 t.* [Complete works and letters]. Vol. 15. Moscow: Izd-vo Moskovskoy patriarkhii.
23. Zhukovskiy, V.A. (1867) *Pis'ma V.A. Zhukovskogo k Ego Imperatorskomu Vysochestvu Gosudaryu Velikomu knyazyu Konstantinu Nikolaevichu* [Letters from

V.A. Zhukovsky to His Imperial Highness the Sovereign Grand Duke Konstantin Nikolaevich]. Moscow.

24. Pletnev, P.A. (1885) *Sochineniya i perepiska P.A. Pletneva* [Works and correspondence of P.A. Pletnev]. Vol. 3. St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk.

25. Zhukovskiy, V.A. (1907) Pis'ma V.A. Zhukovskogo k imperatoru Nikolayu I i imperatritse Aleksandre Fedorovne [Letters from V.A. Zhukovsky to Emperor Nicholas I and Empress Alexandra Feodorovna]. In: Veselovskiy, A.N. & Sobolevskiy, A.I. (eds) *Pamyati V.A. Zhukovskogo i N.V. Gogolya* [In Memory of V.A. Zhukovsky and N.V. Gogol]. Is. 1. St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. Nauk.

26. Lebedeva, O.B. (2004) Printsipy romanticheskogo zhiznestroitel'stva v dnevnikaх V.A. Zhukovskogo [Principles of romantic life building in the diaries of V.A. Zhukovsky]. In: Zhukovskiy, V.A. *Poln. sobr. soch. i pisem* [Complete works and letters]. Vol. 13. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.